

Павильон Щусева в садах Венеции не будет пустовать

Россия участвует в 47-й Венецианской биеннале

Сегодняш. - 1997. - 7 июля, - с. 2

ЛАРИСА ЮСИПОВА

НА СЛЕДУЮЩЕЙ неделе открывается очередная Венецианская биеннале. Судьба российского участия в ней решалась необычайно долго: изначально представленный Министерством культуры проект Комара и Меламида оказалось невозможно осуществить из-за отсутствия денег — и у российского министерства, и у американских спонсоров. В результате было решено, что выставка Комара и Меламида пройдет в общем павильоне и без участия российской стороны. В российском же павильоне будут представлены работы московского художника МАКСИМА КАНТОРА. Перед отъездом в Венецию он дал интервью газете «Сегодня».

— Все уже привыкли, что на биеннале Россию представлял авангард. Вы же себя авангарду демонстративно противопоставляете. Означает ли это, что мода на арт-рынке сменилась?

— У нас же привыкли вываливать в одну плошку представления о рынке, о чистом искусстве, о моде — и все это в перемешанном виде выдавать за процесс современного искусства. Но это вещи совершенно разные и мало друг с другом соприкасающиеся. Директор франкфуртского музея «Штедель» сказал мне недавно любопытную вещь: «Мы, погнавшись за американской модой, пропустили английских художников. И сейчас мне нужен холст Люсьена Фрейда, а я уже не могу купить». То есть пока они старательно собирали американский поп-арт, англичане на своем маленьком внутреннем рынке стремительно дорожали, и сейчас они уже просто недоступны по цене. Это пример того, что могут существовать две моды, три моды.

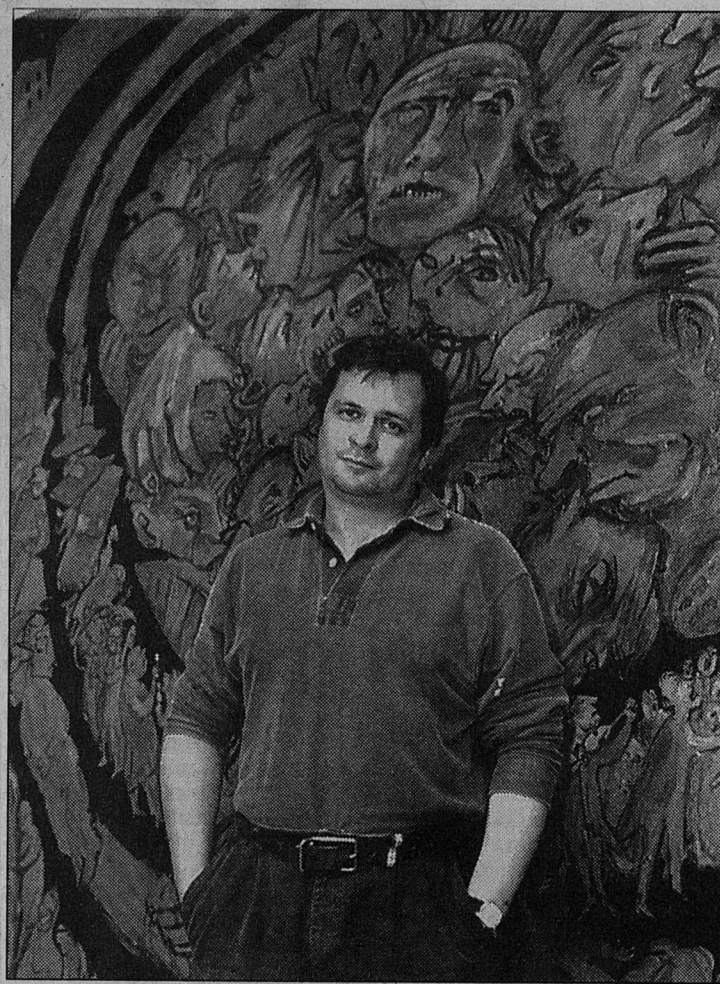
Арт-рынок неоднороден: есть германский, скандинавский, французский, американский... Удачливы те художники, которые несколько этих сегментов рынка перекрывают. Но не надо это подавать как лакмусовую бумажку искусства. Это всего лишь рынок, на котором выживают сильные, предприимчивые, везучие.

— Вы относитесь к их числу?

— Безусловно. Рынок в искусстве — это профессиональный спорт. Я считаю себя настоящим художником, но я, конечно, еще и профессиональный спортсмен. Притом нахожусь в очень странной ситуации: живу в России, но ни в какую российскую группировку не вхожу. Просто однажды я решил, что никогда не буду групповым художником. И в отличие от большинства русских художников, которым удалось работать на Западе, я не заключил эксклюзивного контракта ни с одной тамошней галереей — не стал служащим ни одного художественного цеха. И, как показало время, выиграл. В конце концов я стал работать с европейскими музеями, и сейчас в 18 из них есть мои вещи. Сначала я думал, что так спасаю свою душу, но оказалось, что еще и позицию на рынке. Потому что за эти 10 лет я стал сильнее галериста.

— Но при чем здесь спасение души?

— Дело в том, что в московской интеллектуальной жизни меня больше всего раздражает коллаборационизм. Сумев противостоять советской догме, российской интеллигенция спустя очень короткое время с легкостью покорилась, условно говоря, догме американской. Можно фрондировать против Брежнева и прислуживать пяти галерейщикам в Америке — это означает интеллектуальный коллаборационизм. Я

НИКОЛАЙ ГАЛКИН

Максим Кантор: «В московской интеллектуальной жизни меня больше всего раздражает коллаборационизм»

в этом участвовать не хотел. По моему, степень независимости от общественного мнения, откуда бы оно ни исходило, и есть критерий искусства. Я сознательно шел против общественного мнения, что, как ни странно, в Европе создавало определенный рыночный резонанс: «Смотрите, какой странный парень! Вроде не дурак,

а чем занимается!» А я действительно не хотел заниматься, условно говоря, инсталляциями, что было бы кратчайшим путем к успеху. Я совершенно уверен: эпоха постмодерна кончилась, искусство нового времени вернется к гуманистическим ренессансным ценностям. Постмодернизм в виде фарса повторил тра-

гедию авангарда: мы живем в то время, когда авангард стал салоном. Я думаю, что весь XX век был страшной мистификацией, искусство XXI века будет состоять в преодолении этого опыта.

— Но согласитесь, Москва девятых все-таки больше всего страдает не от последователей авангарда.

— Я думаю, что Церетели, Глазунов, Шилов — все это «творчество» как раз и возникло по причине духовного коллаборационизма интеллигенции. Покинутое ею пространство общественно значимого искусства было тут же захвачено государством, вкусы которого всегда остаются неизменными.

— А вы, с вашим признанием на Западе, можете ли считаться государственным художником?

— Вы знаете, тут довольно смешная статья появилась в Art-News, в которой Комар и Меламид говорят буквально следующее: Министерство культуры отвергло их, потому что они диссиденты, и представляет теперь официозного русского художника. Но я никогда не был официальным художником, не получал государственных заказов, десять лет в России не выставлялся. Сейчас будет выставка в Пушкинском, но это часть европейского турне. Кстати, у нас с Комаром и Меламидом была в свое время в Штатах совместная выставка, на которой мы представляли как бы два поколения диссидентского искусства в России. Но сейчас говорить о диссидентстве в любом случае смешно.

— Но как все-таки случилось, что вместо проекта Комара и Меламида на биеннале будет представлен ваш?

— Он тоже проходил и прошел экспертизу Минкульта — наряду с другими. Решено было, что

Что такое Венецианская биеннале

На сегодняшний день это крупнейший художественный форум мира. Задуманная сто лет назад как демонстрация артистических достижений разных стран мира, эта громадная выставка-фестиваль долгое время отражала некий усредненный художественный вкус. Однако после скандала 1964 года, когда первая премия была присуждена Раушенбергу, биеннале изменила свою ориентацию и теперь представляет радикальное, стилиобразующее искусство. Выставка разворачивается на территории знаменитых венецианских садов — в павильонах, являющихся собственностью стран, искусство которых в них представлено. Первый этаж российского павильона, построенного в двадцатых годах Щусевым, отдан Грузии. Существует еще и центральный, общий, павильон, в котором директор биеннале организует сборную интернациональную выставку, посвященную теме форума. В этом году тема сформулирована как «Будущее, настоящее, прошлое». Куратором является знаменитый итальянский искусствовед, директор музея г-н Джермано Челант. В рамках форума проходит еще и так называемая альтернативная биеннале. На ней Россия представлена проектом художника Олега Кулика и куратора Виктора Мизиано.

Россию представят Комар и Меламид, в частности, еще и потому, что их проект имел поддержку американских спонсоров. Но потом, насколько мне известно, оказалось, что спонсоры тоже не могут найти для этой выставки необходимую круглую сумму. Я к этому моменту уже и думать забыл о биеннале, занимаясь организацией других выставок, но неожиданно мне позвонил г-н Сандретти — итальянский промышленник, который финансово помогает нашему павильону на биеннале — и сообщил, что российское участие в форуме под угрозой и попросил реанимировать мой проект. До открытия биеннале оставалось три недели. Надо было успеть собрать по миру мои работы, напечатать каталог — но я согласился.

— То есть на ваш проект министерство деньги нашло?

— Нет, конечно, просто я сам в состоянии его финансировать.

— Вы так сурово отказались об искусстве XX века, однако ваш успех на Западе многие связывают с тем, что вы работаете в традиции немецкого экспрессионизма.

— Немецкий экспрессионизм, несмотря на библейские реминисценции, является, на мой взгляд, языческим искусством, мифологизирующим христианство, превращающим Библию в миф и на уровне мифа о нибелунгах ее толкующим. Я же стараюсь из российской действительности сделать библейскую притчу. Я религиозный христианский художник.

— Не приведет ли это к отторжению вас западной интеллектуальной элитой — в большинстве своем атеистически настроенной?

— Мы судим об этом очень односторонне, исходя из моды в России на новых французских философов — Делеза, Бодрийера, Деррида. Но это лишь одна из многочисленных ниш западной интеллектуальной жизни. И не стоит думать, что где-нибудь на столе в Кремле или в кабинете у Бодрийера есть книга, где написано, как надо жить. Такой книги не существует. Как нет книги или учения, которые могли бы отменить пластическое искусство — пластика есть то, что измывает мир. Что дает форму истории. Как вы помните, на прошлой биеннале первую премию получил английский художник Китай. Один из самых знаменитых представителей так называемой фигуративной живописи. Тенденции действительно меняются — с чего мы и начали наш разговор.